

“НЕСОСТОЯВШАЯСЯ” НОВЕЛЛА В СОСТАВЕ ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ “О БЕДАХ И СКОРБЕХ...”

© 2019 г. О. А. Туфанова

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а
tufoa@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 26 июня 2018 г.

THE “FAILED” NOVEL AS A PART OF PSKOV CHRONICLE TALE “ABOUT TROUBLES AND SORROWS...”

© 2019 Olga A. Tufanova

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
tufoa@mail.ru

Received by Editor on June 26, 2018.

В статье рассматривается вопрос жанровой атрибуции исторического нарратива “О бедах и скорбех...”, включенного в Псковскую летопись. Основное внимание уделено необычной жанровой форме новеллы в составе памятника. Анализ композиции первых трех эпизодов текста приводит к выводу о том, что они представляют собой трехчленную конструкцию, генетически восходящую к новелле. Однако автор трансформировал специфику развлекательного жанра, выстроив повествование на композиционных принципах новеллы, но кардинально изменив отличительную особенность ее развязки. Скорее всего, исходный авторский текст был подвергнут редакторской правке, в развлекательный по своей природе жанр была привнесена религиозная трактовка событий. В результате перед нами оказался текст, в котором обнаруживается “несостоявшаяся” новелла из трех эпизодов, демонстрирующая апокалипсический размах трагедии, развернувшейся в Русской земле.

The complexity of genre attribution of Old Russian literature dated to the 11th–17th centuries is connected with the general methodological problem of description and systematization of genres, caused by the mobility of genre definitions in Old Russian texts and of the inability to give a clear definition to one or the other Medieval narrative. The text “About troubles and sorrows...” placed in the Pskov chronicle, laconically telling about the events of the Time of Troubles, is a bright sample of the combination of various, implicit genre forms, the most unusual of which is the ‘failed’ novel. The first three episodes have a simple composition with a minimum set of elements and represent a three-term structure, genetically ascending to the novel. However, author transformed the specifics of the entertainment genre, building the narrative on the compositional principles of the novel, but radically changing the distinctive feature of its outcome: the plot in each episode has the expected ending, ‘falcon turn’ is absent, instead of it there is a new round of spiral developing events of the Time of Troubles, ‘humorous impulse’ is replaced by a tragic pathos, and the repeatability of paradoxical for the Russian history plots of criminal reign gives rise to the idea of never-ending ‘troubles and sorrows and misfortunes’. In search of an adequate form of capturing unusual events for Russian history, author resorts to an unusual genre form for telling about historical facts. In the bowels of the historical narrative begins to emerge a new fiction genre. But the original author’s text was subjected to editorial change, and a religious interpretation of events was introduced in the entertaining by nature genre. As a result, before us is the text, which reveals the ‘failed’ novel consisting of three episodes, illustrating the apocalyptic scale of the tragedy unfolded in the Russian land.

Ключевые слова: “О бедах и скорбех”, новелла, композиция, интерпретация, жанровая атрибуция.

Key words: “About troubles and sorrows”, novel, composition, interpretation, genre attribution.

DOI: 10.31857/S241377150003924-9

Текст, включенный в Псковскую летопись¹ и выделенный заголовком “О бедах и скорбех...” [1], получил различную жанровую атрибуцию в работах немногих исследователей, которые обращались к нему. Так, С.М. Соловьев [2, с. 349], С.Ф. Платонов [3, с. 500], В.П. Адрианова-Перетц [4, с. 70] определяли жанр этого памятника как “сказание”, М.Н. Тихомиров [5, с. 16], А.С. Демин [6, с. 203], Г.В. Петров [7, с. 15] — как “повесть”. Однако, когда мы говорим, что тот или другой исследователь определил жанр так, а не иначе, мы имеем в виду способ называния: “Сказание о бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России” или “Повесть о бедах и скорбех”. Специальных исследований, посвященных проблемам жанра этого текста, не проводилось.

В самом тексте отсутствует указание на жанровую принадлежность, он имеет только пространственный заголовок “О бѣдахъ и скорбехъ и напастехъ...”. В Псковской второй летописи единичны случаи использования составителем заголовков. Они встречаются в самом начале: “Начало лѣтописца Псковского”, “Начало княженія Володимерова”, “Повѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра”, “Сказаніе о благовѣрнѣмъ князи Домонтѣ и о храбрости его”. Далее летописные статьи оформляются традиционно как погодные записи: “В лѣто 6573...”, “В лѣто 6574...” и т.д. Вплоть до окончания основного летописного повествования: “В лѣто 6994...” [1, с. 44]. Интересующий же нас текст находится в конце, среди более или менее художественно оформленных фрагментов, тоже имеющих подзаголовки: “О смятеніи и междоусобіи и отступленіи Псковичъ отъ Московскаго государства...”, “О прежнемъ пришествіи Нѣмецкомъ и о нынѣшемъ на Новгородскую землю...”, “О царьскомъ избраніи на Московское государство” и др. Как видно из приведенных перечней названий, в Псковской летописи атрибутированы с точки зрения жанра только два явно заимствованных текста, все остальные, не атрибутированные в жанровом отношении фрагменты помещены в конце в виде прибавления к основному летописному повествованию. Их заголовки отражают основные темы, а многообразие тематики и отсутствие временной или сюжетной логики заставляют предположить, что все они имели первоначально самостоятельный характер. Таким образом, определение жанра текста “О бедах и скорбех...” как

сказания или повести принадлежит первым исследователям памятника.

Сложность жанровой атрибуции того или иного памятника XI–XVII вв. связана в первую очередь с общей методологической проблемой описания и систематизации жанров, обусловленных подвижностью жанровых определений в самих древнерусских текстах и невозможностью дать однозначное определение тому или иному средневековому нарративу в силу того, что в нем порой содержатся разные жанровые формы. Пример тому — “Слово о полку Игореве”, “Повесть о житии Александра Невского”, “Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского” и др. Термины же “повесть” и “сказание” зачастую оказываются взаимозаменяемыми из-за отсутствия в литературе Древней Руси строгой дифференцированности самих этих жанровых форм².

Так, в “Краткой литературной энциклопедии”, изданной в 1965 г., О.А. Державина указала на синкретический характер и размытость жанровых границ древнерусской повести, объединяющей «повествовательные произ.<ведения> разного характера (собственно повесть, житие, летописная повесть, сказание, “поведение”, “слово”)» [9, с. 818–820]. Более четкое определение древнерусской повести дал Н.И. Прокофьев, отметив, что “это эпическое повествовательное произведение о событиях исторической жизни, в которых участвуют исторические лица и стоящие над ними внеисторические силы. В центре древнерусской повести стоят сами исторические события, а лица показываются лишь как участники этих событий и занимают по отношению к событиям служебное положение” [8, с. 32].

Текст “О бедах и скорбех...” на первый взгляд соответствует этой жанровой характеристике, если бы не три существенные особенности памятника. Во-первых, произведение посвящено не одному, а нескольким событиям Смутного времени, в нем упоминается большое количество исторических лиц, но хорошо известные факты их биографии и связанные с ними события рассказываются не в соответствии с действительной историей, а сквозь призму авторской трактовки. Во-вторых, эпизоды неодинаковы по объему, степени освещенности событий, манере повествования. В-третьих, отличаясь друг от друга структурными повествовательными моделями, все фрагменты объединены довлеющим над действительными

¹ В Полном собрании русских летописей памятник “О бедах и скорбех...” размещен в разделе “Прибавления” после Псковской второй летописи [1].

² Н.И. Прокофьев отмечал, что к повестям «как литературному жанру близко стоят сказания, которые древнерусские “списатели” и читатели не выделяли в отдельную литературную форму». См.: [8, с. 32].

историческими событиями мотивом мести Бога, предопределяющим авторскую интерпретацию Смуты.

Попытаемся разобраться в структурно-жанровых моделях, представленных в тексте “О бедах и скорбех...”. В памятнике отчетливо выявляется несколько эпизодов, каждый из которых представляет одно знаковое событие Смуты:

1. смерть Рюриковичей и воцарение Бориса Годунова;
2. смерть Бориса Годунова и воцарение Лжедмитрия I;
3. смерть Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского;
4. избавление Москвы от нашествия “Полских и Литовских людей” и смерть М.В. Скопина-Шуйского;
5. свержение Василия Шуйского и оккупация страны;
6. пленение и последующее освобождение Москвы вторым ополчением.

Соответствуют ли эти эпизоды традиции написания летописных повестей или сказаний? Нет!

И.П. Еремин, анализируя художественные особенности “Повести временных лет”, разделил формы летописного повествования на пять групп: “1) ПОГОДНАЯ запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 4) документы из княжеских архивов: договоры, уставные грамоты” [10, с. 52]. По мнению ученого, летописное сказание представляет собой «устное историческое предание в “книжной”, литературной переработке летописца» [10, с. 53], летописный рассказ «прежде всего документален <...> в нем нет ничего выдуманного, сочиненного, “литературного”» [10, с. 55], а летописная повесть — это “повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог” [10, с. 59]. Это деление в той или иной мере приложимо практически ко всем последующим летописям, что подтверждают и работы других исследователей. Так, В.В. Кусков выделял в летописи аналогичные первичные жанровые формы, такие как погодную запись, исторические, топонимические и агиографические предания (легенды), историческое сказание (рассказ) и повесть [11, с. 25]. К первичным жанрам, лежащим в основе летописи, относил повесть и сказание Н.И. Прокофьев [8, с. 28–32]. Рассматривая особенности исторических повестей в составе летописей раннего периода, большинство ученых выделяет два основных типа: повести о княжеских

преступлениях и воинские повести (см., например: [12, с. 215–247]; [13, с. 55–80]; [14]). В последнее время появляются работы, в которых поднимается вопрос о необходимости пересмотра двух жанровых разновидностей исторической повести в составе летописных сводов. В частности, Н.А. Сошнева пишет о том, что среди исторических повестей следует выделять “традиционные воинские повести”, “повести о княжеских преступлениях”, а также повести, занимающие “промежуточное положение между двумя выше названными” и посвященные “описанию междоусобных битв русских князей” [15, с. 154].

Если принять это деление за аксиому, то мы вынуждены будем констатировать, что исторический нарратив “О бедах и скорбех...” не может быть однозначно атрибутирован ни как летописный рассказ, ибо он не документален, а составлен “по стостой молве” [2, с. 349]; ни как летописная повесть, ибо это не некрологи о смерти князя, хотя о смерти царей и самозванцев говорится постоянно; это не воинская повесть, хотя в тексте содержатся упоминания о битвах; и это не повесть о междоусобной войне, хотя в центре внимания — трагический рассказ о череде самозванцев на русском престоле. Наконец, жанр памятника “О бедах и скорбех...” невозможно определить и как летописное сказание, ибо здесь нет типичного для этого жанра эпического героя [16, с. 67–69]. Таким образом, помещенный в Псковскую летопись текст не укладывается в привычные летописные формы повествования.

Композиционный анализ эпизодов приводит к выводу о том, что в тексте обнаруживаются повествовательные структуры, восходящие к различным жанровым формам, а именно: 1) к структуре новеллы, 2) к структуре повести о княжеских преступлениях, трансформированной и переработанной в повесть о преступлениях царя, 3) к структуре повести об осаде, преобразованной в повесть о бедственном положении населения в осажденном городе. Перед нами оказывается художественный текст, сочетающий в себе различные, неявно выраженные жанровые формы, наиболее необычной из которых является первая, представляющая собой “несостоявшуюся” новеллу. Характеризуя таким образом жанровую природу первых трех эпизодов текста памятника “О бедах и скорбех...”, мы имеем в виду прежде всего особенности поэтики жанра “новелла”³, нашедшие причудливое воплощение в памятнике XVII в.

³ По определению Б. Эйхенбаума, новелла или “Short story — исключительно сюжетный термин, подразумевающий сочетание двух условий: малый размер и сюжетное ударение в конце”. См.: [17].

Согласно характеристике А. М. Панченко, для новеллы, как и для жанра анекдота, “характерна односторонность. Фабула ограничивается одним событием, хотя бы и состоящим из нескольких эпизодов. В связи с этим и в анекдоте, и в новелле занято малое число персонажей (как правило, от двух до четырех). Все они — марионетки сюжета, их характер определяется одним штрихом. Им не свойственны ни сложность, ни рефлексия” [18, с. 77]. С этой точки зрения, первые три эпизода практически полностью соответствуют приведенной характеристике. Все они посвящены одной теме — неправому воцарению, в них упоминается малое количество персонажей, поведение и сущность которых определяется одним чувством — завистью, и все они являются “марионетками сюжета” “о бедах и скорбях” Русской земли. Ключ к прочтению структурно-жанровой модели трех фрагментов обнаруживается в первом, самом лаконичном рассказе о воцарении Бориса Годунова. В остальных двух эпизодах эта модель повторяется и развивается.

Рассказ, несмотря на краткость, имеет экспозицию, в которой рисуется идиллическая картина жизни в Русской земле: “Послѣ отца своего царя Ивана на царство сѣдшу благочестивому царю Θεодору Ивановичю всеа Русіи, брату же его меньшему царевичю Дмитрію 9-ти лѣтъ сушу, на удѣлѣ во градѣ Угличѣ съ матерію живущимъ, иже тогда сушу православію въ тишинѣ и во смиреніи и въ благоденствѣ пребывающу...” [1, с. 56]. Здесь нашли отражение основные представления о благополучии государства, которые читаются и в других памятниках эпохи Смуты: законное наследование престола (“Послѣ отца своего...”), благочестие, тишина (т.е. мир), — которые воспринимаются как некое правильное, идеальное течение жизни в государстве.

Завязкой эпизода является традиционное трансцендентное объяснение дальнейших событий, носящее амбивалентный характер. С одной стороны, идиллическая картина благоденствия раздражает дьявола, ибо он “не престая ратуя на родъ праведныхъ завистию и убійствомъ, власти ради, наводя злыхъ и лукавыхъ челоуѣкъ отъ древнихъ лѣтъ во всей вселеннѣй, якоже и нынѣ бысть” [1, с. 56]. Но, приводя в целом типичное объяснение, автор проговаривает важнейшие для его интерпретации событий причину и цель — зависть “власти ради”. В последующих эпизодах эти причина и цель превращаются в мотивы, объясняющие действия героев. С другой стороны, дьявол, согласно тексту, действует по Божьему попущению. Это вроде бы не новое для древнерусской литературы сочетание трансцендентных сил получает

в эпизоде довольно оригинальную детализацию. Господь мстит через дьявола людям за грехи. Именно мстит, а не карает: “Что же, Господь сотвори има? Діаволъ позавидѣ добродѣтели ихъ и благочестію, якоже въ началѣ Русѣй земли праведнымъ страсготерпцемъ Борису и Глѣбу: подведе лукавую лису, нѣкоего новаго Святополка Бориса, Богу тако изволившу попустити, на отмщеніе отцу ихъ, еже той сотвори много убійство безъ правды братіи своей и дяди” [1, с. 56]. Как видно, в завязке Борис Годунов, будучи “лукавой лисой”, становится орудием действий дьявола и одновременно орудием мести Бога за многие убийства, его роль здесь пассивна, он исполнитель воли трансцендентных сил.

Кульминация эпизода — предельно краткий рассказ об убийстве Рюриковичей и “владомыхъ”, которые были к ним близки и могли претендовать на власть: “...поядаеть <...> единого по единому, царей тѣхъ: преже беззлюбиваго яко агнѣца закалаеть царевича Дмитрія, <...> потомъ же и царя благочестиваго напаяеть злымъ зеліемъ и ко Господу и той отъиде съ миромъ, и прочихъ такоже владомыхъ овыхъ погуби, инѣхъ же поточи въ затоки...” [1, с. 56–57]. Примечательно, что, рассказав о преступлении Годунова так, как будто он собственноручно заколол царевича Дмитрия, отравил царя Федора Ивановича и погубил прочих возможных законных, видимо, претендентов на трон, автор псковского текста вновь возвращается к цели: “...хотя воцаритися самъ во вѣки съ родомъ своимъ” [1, с. 57]. Цель — это воцарение, власть (!).

Развязка эпизода — буквально одно слово — “Егда же воцарися...” — одновременно становится завязкой второго эпизода.

И снова перед нами — идиллическая картина в экспозиции, но ее идиллия обманчива: “Егда же воцарися, начатъ церкви созидати и красити, и милостыню давати монастыремъ и церквамъ и нищимъ и гладнымъ...” [1, с. 57]. Из полного набора “благоденствия” мы видим здесь только показное благочестие, неискренность которого автор раскрывает тут же, объясняя цель “благочестивых” действий нового царя: “...люди же приводя на любовь къ собѣ...” [1, с. 56].

Далее следует, как и в первом эпизоде, пространный завязка, в которой автор снова возвращается к мотиву мести Бога за убийства, совершаемые властью предрекающей: “...но ни что же успѣ, ни преодолѣ убійству и Божію суду. Зрите, что же и тому окаянному воздасть Богъ месть <...>” [1, с. 57]. Кульминация — косвенный рассказ о смерти-убийстве Бориса Годунова: “...но убіенія ради праведныхъ воспріять тая же злая, яже самъ

сотвори <...> отъ мнимаго предтечи антихристова Гришки Отрепьева, нарицающагося именемъ предиреченнаго страстотерпца царевича Димитрія” [1, с. 56]. И здесь, как и в первом эпизоде, орудие мести Бога за убийство праведных — Григорий Отрепьев — играет, скорее, пассивную, чем активную, роль, с той лишь разницей, что автор, видимо совершенно не осведомленный о ходе борьбы Годунова и Лжедмитрия I, опускает вообще все детали и указывает на пассивность Отрепьева не в завязке, а в кульминации эпизода. Развязка опять краткая — воцарение — снова знаменует собой начало нового эпизода.

В третьем эпизоде также обнаруживается идиллическая экспозиция, но, в отличие от первых двух фрагментов, она более краткая и таит в себе идею обманчивого благополучия: “...воцарися же и той злый змій грѣхъ ради нашихъ, прежде блгаго показася и благочестивъ, потомъ же золь гонитель и разоритель христїанской вѣрѣ” [1, с. 57]. Эта идея реализуется при помощи метафорического замещения имени Отрепьева (“злый змій”) и упоминания о показном благочестии, которое практически сразу же сменяется типичной для цикла памятников о Смуте характеристикой нового царя как “гонителя” и “разорителя” христианской веры. Кульминация эпизода — убийство Лжедмитрия I — лаконична, но по сравнению с первыми двумя эпизодами ярче в художественном плане: автор выстраивает повествование на контрасте благочестие — зло. Но и здесь, как и в предыдущем эпизоде, Василий Шуйский с соратниками изображаются пассивными исполнителями воли Бога, выступая в роли орудия защиты (а не мести!): “Не помяну Богъ согрѣшенїя людїй своихъ <...> не предаде своей церкви и людей въ Латынство превратити, но разруши его злый совѣтъ, и самъ превращень бысть съ царства: воздвиже на него отъ благочестивыхъ князей Рускихъ Шуйского князя Василя и прочихъ съ нимъ, поборающихъ по благочестїи <...> и убїенъ бысть сїй злочестивый, злѣ животь свой сконча и онамо вовѣки въ геену огненую вселися, по своимъ злымъ дѣломъ” [1, с. 57].

Развязка — воцарение Василия Шуйского — вновь знаменует концовку одного эпизода и одновременно является экспозицией следующего.

Таким образом, первые три эпизода отличаются лаконизмом повествования, отсутствием какой-либо детализации и конкретики, что в целом не характерно для памятников Смуты, освещающих эти же события. Эпизоды имеют простую композицию с минимальным набором элементов, повторяющихся во всех трех фрагментах:

- 1) идиллическая экспозиция;
- 2) сочетание трансцендентного (мотив мести Бога) и реалистического (зависть, желание власти) объяснений в завязке;
- 3) убийство предшественника как яркий, но максимально сжатый кульминационный момент;
- 4) воцарение после убийства в развязке.

Три рассмотренных фрагмента представляют собой трехчленную конструкцию, генетически восходящую к анекдоту и новелле и по аналогии с ними приглашающую к “предсказанию” [18, с. 378], мы понимаем, что во втором и третьем эпизоде “произойдет то же самое, что и в первом”, как отмечал А.М. Панченко применительно к древнерусским переводным и оригинальным новеллам. Но парадокс в том, что автор, осознанно или нет, творчески трансформировал специфику развлекательного жанра, выстроив повествование на композиционных принципах новеллы, но одновременно кардинально изменив отличительную особенность ее развязки. Простой по форме, но невероятный в сравнении с предшествующей XVII столетию русской историей восшествий на княжеский престол и воцарений сюжет в каждом эпизоде имеет ожидаемый, а не неожиданный финал, “соколиный поворот” отсутствует, вместо него новый виток спирально развивающихся событий Смуты. Более того, “смеховой импульс” замещен трагическим пафосом, а повторяемость парадоксальных для истории Руси сюжетов преступного воцарения рождает представление о масштабности разворачивающейся в Русской земле трагедии, нескончаемости “бед и скорбей и напастей”.

Неслучайно во всех трех эпизодах, имеющих одинаковую сюжетно-композиционную структуру, наблюдается один и тот же подход к освещению и интерпретации событий. “Ящик Пандоры” со скорбями и бедами для Русской земли открывает царь Иван Грозный убийствами “братїи своей и дяди” [1, с. 56], вызывая своими действиями месть Бога, обрушившуюся на его сыновей, погибающих друг за другом от руки Бориса Годунова, которому суждено было сыграть странную роль в истории. С одной стороны, он стал орудием мести Бога, с другой стороны, осмелившемуся убить законных престолонаследников “окаянно-му” Борису Годунову, несмотря на попытки править благочестиво, и самому пришлось изведать месть Бога в лице Гришки Отрепьева, на которого впоследствии снова Господь “воздвиже” уже Василия Шуйского. Убийство царей и их родственников, попытки уничтожить христианскую веру вызывают, согласно интерпретации автора, месть

Бога. Убийцы, жаждущие власти, недолго властвуют и караются Божьим судом. Предельный лаконизм повествования высвечивает единую повествовательную модель, выстраиваемую в границах двух ведущих мотивов: греха (убийства) и жажды власти, которая обретается в развязках эпизодов после совершения преступления. Все развязки играют двойную роль: завершая один краткий эпизод, они становятся экспозицией другого, следующего. Отсутствие деталей, повторение одной и той же повествовательной модели, обнажающей авторскую трактовку исторических событий, создают эффект стремительности совершаемых преступлений “власти ради” и мести Бога за них. При этом ни истинное благочестие, как у царя Федора Ивановича, ни показное, как у Бориса Годунова (“на Бога не упова, но на силу и на богатство упова” [1, с. 57]) или у Гришки Отрепьева (“преже благъ показася и благочестивъ” [1, с. 57]), не спасают и не “преодолѣ убійству и Божію суду” [1, с. 57]. А следующая за воцарением идиллия, по мере появления на престоле вместо истинных царей царевубийц, носит все более обманчивый характер и по времени длится все меньше и меньше, о чем свидетельствуют экспозиции эпизодов.

Почему автор обратился к поэтике жанра новеллы для рассказа о трагических событиях Смутного времени? Почему только первые три эпизода в составе исторического нарратива “О бедах и скорбех...” имеют такую жанровую форму? Однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным, но очевидно следующее. Текст “О бедах и скорбех...” был создан после 1625 г., т.е. прошло более десяти лет с воцарения Михаила Романова и завершения страшной эпохи Смутного времени. История и трагедия начала XVII столетия к середине 20-х гг. получила уже широкое и разнообразное освещение в литературе. Но память о тяжелых годах интервенции и по сути гражданской войны, вызванных прерыванием династии Рюриковичей и “культурно-историческим феноменом” самозванчества [19], все еще тревожила народные массы, тем более что десятилетие после восшествия на престол Михаила Романова нельзя было назвать спокойным и мирным. Но взгляд на эти события со стороны, знание о них на основе общих, поверхностных сведений приводит к тому, что они оказываются легко вписываемыми в одну простую сюжетную схему, представляющую “одно неслыханное событие” (Гёте). В данном случае в трех эпизодах таковым “неслыханным событием” выступает каждый раз убийство царя (при этом уже неважно, истинного или

ложного). Подобные короткие рассказы-новеллы, тоже с ожидаемым финальным убийством разными способами, составляют первую часть “Повести о Дракуле”, получившей широкое хождение в XVI столетии. Поэтому вполне вероятно, что автор текста “О бедах и скорбех...”, знакомый и с литературной традицией создания цепочки эпизодов-новелл, и с народной новеллистической сказкой, сознательно прибегает к этой жанровой форме. В то же время перед нами не “чистый” жанр новеллы, да он и не мог быть таким, первые древнерусские оригинальные и переводные новеллы появляются позднее, во второй половине XVII в. Но несомненно и другое: парадоксальность и необычность событий Смуты приводит автора к поискам адекватной формы их запечатления. В недрах исторического повествования начинает вызревать новый беллетристический жанр. Но этот исходный авторский текст, скорее всего, был подвергнут редакторской правке (см. об этом: [20]), вследствие которой произошло невероятное: в развлекательный по своей природе жанр была привнесена религиозная трактовка событий (мотивы мести Бога и зависти дьявола). В результате перед нами оказался текст, в котором обнаруживается “несостоявшаяся” новелла из трех эпизодов с ожидаемыми финалами и трактовками, цель которой — показать апокалипсический размах трагедии, развернувшейся в Русской земле, трагедии, закончившейся освобождением Москвы, но умолчавшей о разрешении проблемы избрания настоящего царя, с восшествием на престол которого наступит катарсис.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. VI: Псковские и Софийские летописи. 275 с.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Изд-во социально-экономической лит., 1961. Кн. V, т. 9—10. 754 с.
3. Платонов С.Ф. Собр. соч.: в 6 т. М.: Наука, 2010. Т. 1 / сост. В.В. Морозов, А.В. Смирнов. 597 с.
4. Адрианова-Перетц В.П. “Смутное время” в изображении литературных памятников 1612—1630 гг. // История русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590—1690 гг. / под ред. А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц и Н.К. Гудзия. С. 45—77.
5. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 449 с.
6. Демин А.С. Русские старопечатные предисловия и послесловия начала XVII в. (“великая слабость”

в Смутное время) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М.: Наука, 1981. С. 188–203.

REFERENCES

7. Петров Г.В. Патриотические мотивы в памятниках древнепсковской культуры // Псков. 2003. № 18. С. 14–19.
8. Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 5–39.
9. Державина О.А. Повесть древнерусская // Краткая литературная энциклопедия. М., 1965. Т. 5. С. 818–820.
10. Еремин И.П. Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 208 с.
11. Кусков В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1980.
12. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
13. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
14. Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Военская повесть XI–XVII вв.: курс лекций: материалы для спецсеминара. М.: Флинта: Наука, 2000. 208 с.
15. Сошнева Н.А. К проблеме жанрово-литературной типологии исторической повести в древнерусском летописании домонгольского периода // Вестник Омского государственного университета. 2013. № 3. С. 148–154.
16. Творогов О.В. Литература Киевской Руси (XI – начало XIII в.) // История русской литературы XI–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1985. С. 32–125.
17. Эйхенбаум Б.М. О. Генри и теория новеллы. URL: <http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry02.html> (дата обращения: 25.04.2018).
18. Панченко А.М. Литература “переходного века” // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 291–407.
19. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 432 с. С. 75–109.
20. Туфанова О.А. Загадка псковской летописной повести “О бедах и скорбях...”: предисловие и текст // Вестник славянских культур. 2018. Т. 47. С. 159–168.
1. Complete Edition of Russian Chronicles. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1851. Vol. VI: Pskov and Sofia Chronicles. 275 p. (In Russ.)
2. Solov'ev, S.M. History of Russia from the Ancient Times. Book V, Vol. 9–10. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi lit. Publ., 1961. 754 p. (In Russ.)
3. Platonov, S.F. Collected Works. Vol. 1, Comp. V.V. Morozov, A.V. Smirnov. Moscow, Nauka Publ., 2010. 597 p. (In Russ.)
4. Adrianova-Peretts, V.P. Time of Troubles as Portrayed in Literary Monuments. *History of Russian Literature. Vol. 2, Part 2: Literature of 1590–1690. Ed. Orlova, A.S., Adrianova-Peretts, V.P., Gudziia, N.K.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948. P. 45–77. (In Russ.)
5. Tikhomirov, M.N. Class Struggle in Russia of XVII Century. Moscow, Nauka Publ., 1969. 449 p. (In Russ.)
6. Demin, A.S. Russian Early Printed Forewords and Afterwords of the Beginning of the XVII Century. (“Great Weakness” in the Times of Troubles). *Themes and Stylistics of the Foreword and Afterword.* Moscow, Nauka Publ., 1981, P. 188–203. (In Russ.)
7. Petrov, G.V. Patriotic Motives in Monuments of the Ancient Pskov Culture. *Pskov*, 2003, N. 18, P. 14–19. (In Russ.)
8. Prokof'ev, N.I. On the World Outlook of the Russian Middle Ages and the System of Genres of Russian Literature of the 11th–16th Centuries. *Literature of Old Russia. Issue 1.* Moscow, 1975. P. 5–39. (In Russ.)
9. Derzhavina, O.A. Old Russian Tale. *Concise Literary Encyclopedia. Vol. 5.* Moscow, 1965. P. 818–820. (In Russ.)
10. Eremin, I.P. Lectures on Old Russian Literature. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta Publ., 1968. 208 p. (In Russ.)
11. Kuskov, V.V. Genres and Styles of Old Russian Literature of the 11th – first Half of the 13th Century: Author's Abstract. Doct. Philol. Sci. Diss. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 1980. (In Russ.)
12. Likhachev, D.S. Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. 499 p. (In Russ.)
13. Likhachev, D.S. Poetics of Old Russian Literature. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russ.)
14. Trofimova, N.V. Old Russian Literature. Military Tale of XI–XVII Centuries: a Course of Lectures: Materials for Special Seminar. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2000. 208 p. (In Russ.)
15. Sochneva, N.A. To the Problem of the Genre-Literary Typology of the Historical Story in the Old Russian Chronicle of the Pre-Mongol Period]. *Bulletin of the Omsk State University.* N. 3. Omsk, 2013. P. 148–154. (In Russ.)

16. Tvorogov, O.V. Literature of Kiev's Rus (XI – the Beginning of XIII Century). *History of Russian Literature of the 11th–17th Centuries*. Ed. Likhachev, D.S. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. P. 32–125. (In Russ.)
17. Eikhenbaum, B.M. O. Henry and the Theory of the Novel. Available at: <http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry02.html> (Accessed 25 April 2018). (In Russ.)
18. Panchenko, A.M. Literature of the “Transitional Age”. *History of Russian Literature: in 4 Vols. Vol. 1: Old Russian Literature. Literature of the XVIII Century*. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otделение Publ., 1980. P. 291–407. (In Russ.)
19. Uspenskiy, B.A. Tsar and Impostor: Imposture in Russia as a Cultural and Historical Phenomenon. *Uspenskiy, B.A. Selected Works. Vol. 1: The Semiotics of History. The Semiotics of Culture*. Moscow, Gnozis Publ., 1994. P. 75–109. (In Russ.)
20. Tufanova, O.A. On the Riddle of Pskov Chronicles “Tale of Woes and Misfortune...”: Foreword and Text. *Bulletin of Slavic Cultures. Vol. 47*. 2018. P. 159–168. (In Russ.)